

ТЕНЬ НА АСФАЛЪТЕ: ПРОЕКТ „ФЕНИКС”

ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева

Тень на асфальте:

Проект «Феникс»

<https://litres.ru/74052338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в промзоне у Южного моста находят тело молодой женщины в дорогом вечернем платье, следователь Матвей Волков понимает: это почерк. Почерк убийцы, дело которого три года назад осталось нераскрытым и стоило ему карьеры. Но теперь игра началась заново.

Расследование приводит Волкова в мир элиты — от пентхаусов небоскреба «Северсталь-Плаза» до закрытых психиатрических клиник для богатых. Он выясняет, что жертвы были связаны с могущественным олигархом Ростиславом Ворониным, а способ их убийства указывает на изощренный садизм и глубокие познания в биохимии. Понимая, что полиция бессильна перед лицом такой власти, Матвей начинает собственную охоту.

Однако он сталкивается не просто с маньяком-одиночкой. За цепочкой жестоких преступлений стоит гениальный кукловод — доктор Артемьев, создатель секретного проекта «Феникс».

Содержание

Глава 1. Случайная находка.	4
Глава 2. Архивный прах.	14
Глава 3. Эхо в пустом зале.	24
Глава 4. Дом, который помнит всё.	32
Глава 5. Имя из прошлого.	41
Глава 6. Двойное дно.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Васильева

Тень на асфальте:

Проект «Феникс»

Глава 1. Случайная находка.

Дождь лил как из ведра, не просто капал, а обрушивался на город сплошной, монолитной стеной. Он стучал по крышам старых пятиэтажек, барабанил по жестяным карнизам и с глухим, утробным гулом падал в растекающиеся по асфальту реки. Ночной мегаполис, обычно сияющий неонами и гудящий моторами, сейчас казался вымершим, погруженным в вязкую, свинцовую тишину, нарушаемую лишь шумом ливня. Фонари с трудом пробивали эту водную завесу мутными, размытыми пятнами света, которые тут же тонули в чернильной темноте.

Под одним из таких размытых кругов света, сгорбившись и подняв воротник старого, потертого плаща, стоял человек. Детектив Матвей Волков. Он не прятался от дождя — он слился с ним. Вода стекала по полям его шляпы, струилась по плечам, собираясь в лужу у его начищенных, но уже безнадежно промокших ботинок. Он курил, прикрывая огонек сигареты ладонью, хотя в такой ливень это было бессмыслен-

но. Сигарета шипела и плевалась искрами, когда на нее падали тяжелые капли. Матвей смотрел не на дождь. Он смотрел на желтую ленту оцепления, которая сиротливо трепыхалась на ветру, привязанная к двум бетонным столбам у входа в промзону.

Его вызвали сюда час назад. Звонок из дежурной части был коротким и сухим: «Окраина, склады за Южным мостом. Тело женщины. Очевидных следов насилия нет, но что-то не так». «Что-то не так» — это был код, который Волков научился понимать за пятнадцать лет службы лучше любых официальных формулировок. Это означало головную боль, бессонную ночь и дело, которое, скорее всего, не дастся легко.

Он щелчком отправил окурок в ближайшую лужу, где тот зашипел и погас с тихим «пшшш», и шагнул под дождь. Тяжелые ворота старого складского комплекса были распахнуты настежь. Внутри царил полумрак, прорезаемый лишь синими всполохами полицейских мигалок и резким светом переносных прожекторов. Запах здесь стоял соответствующий: мокрый бетон, ржавчина и едва уловимая сладковатая вонь гнили из мусорных баков.

— Матвей Андреевич! — из-за угла вынырнула знакомая фигура в ярко-желтом полицейском дождевике. Лейтенант Сеницын. Молодой, ретивый и слишком громкий для места преступления. — Сеницын, — Волков кивнул в ответ, даже не пытаясь скрыть усталость в голосе. — Где тело?

— Там, у дальней стены. Мы его не трогали до вашего приезда. Только фонариком посветили... — лейтенант осекся под тяжелым взглядом детектива и поспешно добавил: — И оградили лентой! Всё по протоколу.

Волков молча прошел мимо него, направляясь вглубь лабиринта из бетонных стен и ржавых контейнеров. Синицын семенил следом, пытаясь идти с ним в ногу и при этом не отставать.

— Свидетель есть? — спросил Волков, не оборачиваясь.

— Да какой там свидетель! — фыркнул лейтенант. — Бомжара какой-то местный. Спал вон в том закутке под картоном. Говорит, вышел отлить за угол и чуть не наступил на неё. Орал так, что патруль услышал за два квартала. — Он её видел? Лицо?

— Говорит, нет. Только силуэт и платье мокрое блестело. Он сразу дал дёру и позвонил с автомата у дороги.

— С автомата? — Волков остановился и впервые посмотрел на Синицына с легким интересом.

— Ну да! Представляете? У него при себе древняя «Нюкия» с фонариком! — лейтенант хохотнул, но тут же осекся, увидев каменное лицо начальника.

Волков лишь покачал головой и продолжил путь. Он прошел мимо двух патрульных, которые жались под козырек навеса для погрузки, спасаясь от ливня. Они молча кивнули ему. В дальнем углу склада пространство расширялось, образуя небольшую открытую площадку под открытым небом

— небо здесь заменяла ржавая крыша склада с огромной дырой посередине. Именно оттуда падал свет прожектора.

И там, в центре этого светового пятна, лежала она.

Волков остановился на границе тьмы и света. Он достал из кармана плаща латексные перчатки и неторопливо натянул их на руки. Затем он медленно подошел к телу.

Молодая женщина лежала на спине в огромной луже мутной воды, смешанной с грязью и машинным маслом. Дождь безжалостно хлестал по её безжизненному лицу, смывая остатки косметики и делая кожу неестественно бледной. Она была красива той холодной, отстраненной красотой, которую часто можно увидеть на обложках глянцевого журналов или в галереях современного искусства: высокие скулы, тонкий нос, чуть приоткрытые губы.

Но больше всего поражало не это. На ней было вечернее платье. Глубокого изумрудного цвета, из тяжелого бархата или шелка — Волков не был экспертом в моде, но даже он понимал, что такая вещь стоит целое состояние. Платье было безнадежно испорчено: подол намок и потемнел от грязи, один рукав был порван о какой-то острый угол или арматуру при падении или переноске тела. Эта роскошная ткань казалась совершенно чужеродной в декорациях грязного заброшенного склада на окраине города.

Волков присел на корточки рядом с телом на корточки, стараясь не наступить в лужу больше необходимого.

Никаких документов в карманах или сумочке рядом не

было видно. Никаких очевидных следов борьбы: ногти были целы и чисты (он бы заметил сломанные или сорванные ногти), синяков на открытых участках рук нет. Сумочки тоже нигде не наблюдалось.

Его взгляд методично скользил по телу жертвы. На тонкойшее он заметил то, что искал — три параллельные, едва заметные царапины. Они были неглубокими, скорее похожими на следы от ногтей или... от чего-то другого? Кожа вокруг них была лишь слегка раздражена.

Затем его внимание привлекло запястье левой руки, безвольно лежащей в воде. Волков аккуратно приподнял её кончиками пальцев за рукав платья (он старался как можно меньше касаться самой кожи). На бледной коже виднелся крошечный след от укола — точка с небольшим синяком вокруг.

— Опять «игла», — раздался за его спиной знакомый скрипучий голос.

Волков даже не вздрогнул. Он медленно опустил руку жертвы обратно в воду и обернулся.

Судмедэксперт Игорь Петрович Савельев стоял под раскрытым зонтом-тростью и смотрел на тело через свои вечно сползающие на кончик носа очки в толстой оправе. В руках он держал свой неизменный потертый кожаный чемоданчик.

— Здравствуй, Петрович.

— И тебе не хворать, Матвей Андреевич. Ну что я могу сказать? Картина классическая для передоза благородной

дури где-нибудь в VIP-ложе ночного клуба. Но... — Савельев сделал многозначительную паузу и ткнул концом зонта в сторону шеи жертвы: — Смотри сюда.

Волков снова перевел взгляд на царапины.

— Видишь характер повреждений? — продолжил эксперт. Он присел рядом на корточки (его брюки тут же промокли до колена) и достал из чемоданчика маленький фонарик-брелок. Направив узкий луч света на шею жертвы под определенным углом, он заставил царапины проявиться четко.

— Кожа не содрана поверхностно от случайного удара о ветку или гвоздь. Здесь другое. Следы оставлены чем-то... целенаправленным? Или это результат какого-то захвата? Но слишком уж они ровные для борьбы.

Волков нахмурился еще сильнее и наклонился ниже к шее женщины. Он всматривался так пристально, словно надеялся увидеть ответ прямо на коже мертвой незнакомки.

Три года назад...

Память услужливо подбросила ему образ из прошлого. Другое тело. Другое место преступления — элитный особняк в пригороде. Другая женщина — старше этой лет на десять-пятнадцать. Но всё остальное... Всё остальное было пугающе похожим.

Тоже вечернее платье из дорогой ткани.

Тоже никаких документов при себе.

Тот же крошечный след от инъекции на запястье.

И те же самые три параллельные царапины на шее — почти идентичные по расположению и глубине.

Дело тогда получило неофициальное название «Дело о призраках». Жертв находили в разных частях города и области — то у набережной после вечеринки на яхте, то в номере люкс пятизвездочного отеля «Империял», то вот так же случайно — за городом. Все они были женщинами из высшего общества: жены бизнесменов, светские львицы, дочери политиков. Никаких связей между ними следствие установить не смогло. Никаких свидетелей. Никаких камер наблюдения с полезным ракурсом.

А потом убийства просто прекратились так же внезапно, как и начались. Через полтора года дело было отправлено в архив за отсутствием улик и перспектив расследования. Но Матвей Волков так и не смог его закрыть для себя лично. Оно осталось висеть над ним как незажившая рана, как его личный профессиональный провал.

И вот теперь всё повторялось.

— Это они? Те самые? — тихо спросил Савельев, словно прочитав его мысли.

Волков медленно выдохнул сквозь сжатые зубы. Дождь продолжал монотонно бить по луже вокруг тела женщины в изумрудном платье.

— Похоже на то... — глухо ответил он наконец и поднялся во весь рост. Вода хлюпнула в его ботинках.

Он достал телефон из внутреннего кармана плаща (к сча-

стью, водонепроницаемый чехол сделал свое дело) и набрал номер дежурного следователя прокуратуры.

— Это Волков. Слушай меня внимательно... Дело нужно переводить в разряд особо важных немедленно. И мне нужен полный доступ ко всем материалам по архивному делу 112/84-ББ «Убийства неизвестных женщин». Да-да, то самое закрытое дело трехлетней давности... Нет-нет-нет! Мне плевать на сроки давности! Поднимай его прямо сейчас! Я буду через час у себя в кабинете со всеми первичными протоколами с этого места!

Он убрал телефон обратно в карман и посмотрел на Савельева тяжелым взглядом исподлбья.

— Петрович... Мне нужно всё по ней как можно скорее. Токсикология первой строкой. Я хочу знать точно: что ей ввели? И еще... Осмотри эти царапины под микроскопом сразу же как привезем её к тебе. Мне нужно знать природу их происхождения до мельчайших деталей.

Савельев молча кивнул и захлопнул свой чемоданчик с таким видом, словно закрывал крышку гроба над своими выходными планами.

Волков снова посмотрел на тело женщины в луже воды под дождем через дыру в крыше склада. Кто она? Как её звали? Как она оказалась здесь? И главное — кто тот человек или те люди, что снова начали эту страшную игру?

Он чувствовал это всем своим нутром — это было только начало. Где-то там, во тьме ночного города притаилась тень

убийцы (или убийц), которая теперь снова вышла на охоту после долгого перерыва. И эта тень уже легла на него самого.

Он развернулся к лейтенанту Синицыну:

— Оцепление усилить до тройного кольца. Никого не выпускать без моего личного разрешения или санкции прокурора. Ни журналистов, ни зевак... никого! Тело отправляйте к Савельеву немедленно после фотофиксации каждой детали здесь! И пусть эксперты прочешут каждый сантиметр этого чертова склада! Я хочу знать всё: где она лежала изначально? Есть ли следы шин? Волокна ткани? Что-нибудь! Синицын вытянулся по струнке:

— Так точно!

Волков последний раз взглянул на мертвую женщину в изумрудном платье и пошел прочь из-под света прожектора обратно во тьму складского комплекса к своей машине. Ливень хлестал ему в лицо холодными плетями воды, но он почти не замечал этого.

У него было три года тишины передышки от этого кошмара. Три года он почти убедил себя в том, что тот монстр исчез навсегда или сидит где-то далеко за решеткой по другому делу. Но монстр вернулся домой. И теперь Матвею Волкову предстояло либо поймать его во второй раз... либо стать частью этой тени навсегда.

Дождь смывал кровь (если она была), смывал улики (если они остались), смывал надежды на быстрое раскрытие дела... но он был бессилен смыть память о прошлом провале и страх

перед темной неизвестностью будущего расследования.

Глава 2. Архивный прах.

Кабинет Матвея Волкова на втором этаже убойного отдела не был похож на логово гениального сыщика из кинофильмов. Здесь не было пробковой доски с прищипленными фотографиями и нитями, соединяющими подозреваемых. Не было и антикварной мебели. Это было функциональное, почти аскетичное пространство, где каждый предмет имел свое строгое предназначение. Старый письменный стол, заваленный папками, два монитора, мерцающих синим светом, и массивный сейф в углу. Единственное окно выходило на глухую кирпичную стену соседнего здания, отчего в комнате всегда царил полумрак, разгоняемый лишь настольной лампой.

Волков сидел за столом, но не работал. Он смотрел на папку, которую только что принес из архива. Она была толстой, разбухшей от вложенных в нее фотографий и протоколов. Обложка из плотного картона выцвела от времени, а на корешке виднелся инвентарный номер:

112/84-ББ. «Убийства неизвестных женщин». Он не открывал её три года. С того самого дня, как поставил свою подпись на постановлении о приостановлении дела.

В дверь коротко стукнули, и в кабинет без приглашения вошел судмедэксперт Игорь Петрович Савельев. Он выглядел так, будто не спал последние сутки — вскрытие было на-

значено на раннее утро. В руках он держал свой планшет и несколько листов с распечатками.

— Не помешаю? — спросил он, хотя по его тону было ясно: он бы вошел в любом случае.

— Проходи, Петрович. Я как раз собирался тебе звонить. Садись. Савельев грузно опустился на стул для посетителей, который жалобно скрипнул под его весом. Он снял очки и устало потер переносицу.

— Я только что закончил с нашей «находкой со склада». Предварительные данные у меня есть.

— И что там? — Волков подался вперед, сцепив пальцы в замок. — Что по токсикологии?

— В крови и моче обнаружен коктейль из седативных препаратов. Основной компонент — мидазолам. Сильный транквилизатор, вызывает глубокую седацию и амнезию. В сочетании с алкоголем или другими депрессантами может привести к остановке дыхания. Но... — Савельев сделал паузу, надел очки обратно и заглянул в свои записи. — Это не то, что её убило. Волков почувствовал, как внутри все сжалось от предчувствия.

— Причина смерти?

— Механическая асфиксия. Её задушили. Причем сделали это умело и быстро. Перстневидный хрящ сломан. Следы на шее — это не просто царапины от ногтей при сопротивлении. Это следы от специфического захвата. Убийца использовал так называемый «захват сзади», при котором большой

палец давит на одну сторону шеи, а остальные четыре — на другую, пережимая сонные артерии и яремные вены. Это приводит к потере сознания за 5-10 секунд и смерти через пару минут. Жертва даже не успевает толком понять, что происходит.

Волков молча кивнул. Это полностью совпадало с данными по первому делу из архива. Тогда тоже была асфиксия.

— А что насчет следов на шее? Ты сказал, что они специфические.

— Да, — Савельев придвинул к себе планшет и развернул его к Волкову. На экране была фотография шеи жертвы в высоком разрешении. — Смотри сюда. Видишь эти едва заметные дугообразные потертости по краям основных царапин? И вот здесь, у основания черепа? Я увеличил снимки. Это микротравмы эпидермиса, оставленные не кожей человека.

— А чем тогда? Веревкой? Кабелем?— Нет. Слишком тонкие и ровные следы для грубой веревки. Я бы предположил... хирургическую перчатку.

Волков замер. Он медленно перевел взгляд с экрана на папку на своем столе.

— Перчатка?

— Да. Латекс или нитрил. У таких перчаток часто бывает текстурированная поверхность на кончиках пальцев для лучшего захвата инструмента. Вот эти микротекстуры и отпечатались на коже жертвы во время удушения. Убийца был в перчатках, но хватка была настолько сильной, что текстура

материала оставила свой след.

Это была первая серьезная улика за три года. Преступник действовал профессионально и хладнокровно, но даже он не смог предусмотреть всего.

— Отличная работа, Петрович. Что-нибудь еще?

— Да, есть кое-что странное. На запястье след от инъекции сделан не до убийства, а после. Точнее, в момент клинической смерти или сразу после неё. В месте прокола нет характерного кровоизлияния (экхимоза), которое всегда возникает при жизни из-за давления крови на поврежденные сосуды. Это значит, что убийца зачем-то ввел ей препарат уже после того, как она перестала дышать.

— Зачем? — вслух произнес Волков вопрос, который не требовал ответа от эксперта.

— Это уже по твоей части, Матвей Андреевич, — Савельев тяжело поднялся со стула. — Мое дело — констатировать факты. А мотивы... это к тебе и к психиатрам.

Когда за экспертом закрылась дверь, Волков еще несколько минут сидел неподвижно, переваривая информацию. Убийца — медик? Или человек с хорошей подготовкой? Действует хладнокровно, использует перчатки, знает анатомию настолько хорошо, чтобы сделать инъекцию трупу без видимых следов борьбы... И главное — зачем? Зачем имитировать передозировку после того, как сам же задушил жертву?

Ответы должны были быть в этой папке.

Волков глубоко вздохнул и открыл архивное дело 112/84-ББ.

Внутри пахло пылью и старой бумагой. На первой странице была фотография первой жертвы — Елены Воронцой, 38 лет. Её нашли в номере отеля «Империял». Она лежала на роскошной кровати в шелковой пижаме от известного бренда. На лице застыло выражение безмятежности, словно она просто крепко спала. Но три параллельные царапины на шее и след от укола на руке говорили об обратном.

Он пролистал страницы протоколов осмотра места происшествия. Ничего. Ни отпечатков пальцев, ни следов взлома (она сама открыла дверь?), ни волокон чужой одежды. Камеры в коридоре отеля в ту ночь зафиксировали лишь размытый силуэт мужчины в темной куртке с капюшоном — качество записи было настолько низким, что опознать кого-либо было невозможно.

Вторая жертва — Арина Аверина, 45 лет. Обнаружена в собственной машине на подземной парковке элитного жилого комплекса «Астория». Двигатель заглушен, ключи в замке зажигания. Та же картина: дорогая одежда (в данном случае — вечернее платье), та же причина смерти (асфиксия), те же следы на шее и тот же след от укола после смерти.

Третья... Четвертая... Пятая...

Волков методично просматривал фотографии и отчеты одну за другой. Пять женщин за полтора года. Разный возраст (от 28 до 52 лет), разный социальный статус (жены бан-

киров, владелицы галерей искусств, светские львицы), разные места обнаружения тел (от яхты до собственной гардеробной). Объединяло их только одно: образ жизни и способ убийства.

Он дошел до раздела с результатами экспертиз по прошлым делам и замер.

Его догадка подтвердилась. В отчете по делу Волковой (первая жертва) судмедэксперт того времени указывал на «характерные дугообразные потертости», которые он тогда списал на особенности нижнего белья или ожерелья жертвы. Он не придал этому значения. Волков тоже не придал тогда значения этой мелкой детали, сосредоточившись на поиске связей между жертвами через их окружение.

Он откинулся на спинку кресла и потер глаза ладонями. Три года назад они проверили всё: мужей, любовников, деловых партнеров, конкурентов по бизнесу. Проверили их алиби до минуты (часто подтвержденные охраной или записями с камер). Проверили персонал: горничных, шоферов, личных тренеров в фитнес-клубах элитных районов. Ничего.

Дело зашло в тупик из-за полного отсутствия улик и мотива. Убийства выглядели как работа призрака: он появлялся из ниоткуда и исчезал бесследно.

Взгляд Волкова упал на последний лист в папке — список контактов всех фигурантов дела с пометками о последнем контакте со следствием. Его внимание привлекла одна фамилия в самом низу списка.

«Артемьев Виктор Павлович».

Рядом стояла пометка: «Психиатр-криминалист». И приписка от руки: «Консультация по профилю преступника».

Волков нахмурился и напряг память. Артемьев... Да! Он вспомнил этого человека. Высокий, худой мужчина лет пятидесяти с пронзительным взглядом серых глаз и привычкой говорить очень тихо, заставляя собеседника вслушиваться в каждое слово. Он был приглашенным консультантом со стороны прокуратуры для составления психологического портрета убийцы еще на начальном этапе расследования.

Они встречались всего один раз или два? Волков не мог вспомнить точно. Кажется, Артемьев тогда высказал несколько интересных теорий о том, что убийца может быть человеком из близкого круга жертв или тем, кто имеет легальный доступ в их дома под видом обслуживающего персонала (сантехник, электрик). Но эти версии уже прорабатывались следователями и ничего не дали.

Почему же фамилия психиатра так зацепила его сейчас?

Волков взял телефонную трубку и набрал внутренний номер архива.

— Алло? Михалыч? Приветствую... Да-да... Слушай, мне нужно личное дело одного человека... Нет-нет, не нашего сотрудника... Консультант был по делу 112/84-ББ три года назад... Артемьев Виктор Павлович... Да... Да... Понял тебя... Через пять минут ему перезвонили из архива и продиктовали адрес частной клиники доктора Артемьева «Гармо-

ния». Клиника находилась в историческом центре города и специализировалась на лечении расстройств личности и зависимостей у состоятельных клиентов.

Решение пришло мгновенно. Волков закрыл папку с делом 112/84-ББ и убрал её обратно в сейф вместе с новой папкой по сегодняшнему убийству (которое уже получило номер **113/01-АС**). Он надел плащ и шляпу.

Было уже далеко за полдень. Дождь прекратился несколько часов назад, оставив после себя мокрый асфальт и запах озона. Город медленно приходил в себя после ливня.

Волков вышел из кабинета и направился к лифту не для того, чтобы спуститься на парковку к своей машине. Он шел к лестнице служебного входа во двор здания полиции. Ему нужно было проветрить голову перед встречей с человеком из прошлого этого дела.

Пока он шел через двор к своей машине — старому черному седану с тонированными стеклами — его не покидало странное чувство дежавю вперемешку с нарастающей тревогой. Дело «призрака» снова ожило после трех лет тишины. И первая же деталь вскрытого сегодня тела указывала на то же самое лицо или лица из прошлого.

Сев за руль и заведя двигатель, Волков несколько минут сидел неподвижно, глядя перед собой невидящим взглядом. Он думал о том коктейле из препаратов в крови жертвы со склада. Мидазолам для седации перед убийством? Или это часть того самого ритуала? И почему убийца вернулся имен-

но сейчас?

Выехав со двора управления на оживленную улицу, он включил поворотник и встроился в поток машин. Дорога до клиники «Гармония» заняла около сорока минут через пробки центра города.

Клиника располагалась в отреставрированном особняке XIX века за высоким кованым забором. Волков припарковался через дорогу от ворот клиники и заглушил двигатель. Он достал из бардачка бинокль — старый армейский монокуляр — и поднес его к глазам.

Он наблюдал за входом около получаса. Ничего подозрительного: пациенты входили и выходили (или их привозили/увозили), персонал сновал туда-сюда с папками документов. Обычная жизнь элитного медицинского учреждения для богатых людей с хрупкой психикой.

Наконец он увидел его.

Из дверей клиники вышел высокий мужчина в дорогом кашемировом пальто поверх строгого костюма-тройки. Он остановился на верхней ступеньке крыльца и глубоко вдохнул свежий воздух после дождя. Артемьев почти не изменился за эти три года: все та же худоба, те же зачесанные назад седые волосы и тот же острый взгляд человека, привыкшего видеть чужие пороки как под микроскопом.

Он спустился по ступенькам уверенной походкой человека знающего себе цену и направился к припаркованному у тротуара черному внедорожнику премиум-класса с водите-

лем за рулем.

Волков убрал бинокль и завел машину одновременно с тем, как внедорожник Артемьева тронулся с места. Он пропустил две машины между собой и объектом слежки и плавно выехал вслед за ним в поток транспорта.

Это было начало нового витка расследования старого дела. Волков чувствовал это всем своим существом: он снова шел по следу тени из прошлого, которая теперь обрела новую плоть в виде тела женщины в изумрудном платье на грязном асфальте заброшенного склада у Южного моста.

Глава 3. Эхо в пустом зале.

Слежка за доктором Артемьевым оказалась на удивление скучным занятием. Его черный внедорожник, ведомый молчаливым водителем, двигался по городу с размеренностью метронома. Он не петлял по переулкам, не проверялся и не пытался оторваться. Он ехал прямо, как стрела, к своей цели. Волков держал дистанцию в три-четыре машины, позволяя потоку городского трафика работать на него. Он не боялся быть замеченным. Если Артемьев и увидит его в зеркале заднего вида, он, скорее всего, не придаст этому значения. В конце концов, они были знакомы по громкому делу трехлетней давности.

Внедорожник свернул с оживленного проспекта в тихий, обсаженный старыми липами переулок и плавно затормозил у кованых ворот особняка в стиле модерн. Волков проехал мимо, бросив быстрый взгляд в зеркало. Артемьев уже вышел из машины и направлялся к массивной дубовой двери, которую для него распахнул швейцар. Внедорожник тут же тронулся с места и исчез за поворотом.

Марк припарковал свой седан через два дома, на противоположной стороне улицы. Он заглушил двигатель и откинулся на спинку сиденья. Особняк был погружен в тишину. В окнах первого этажа горел приглушенный свет, но движения за шторами не наблюдалось. Это был адрес из лично-

го дела. Частная резиденция. Воронов закрыл глаза и попытался сопоставить факты. Артемьев был консультантом по делу «призрака». Он знал все детали: способ убийства, профиль жертв, отсутствие улик. Он составлял психологический портрет убийцы. Идеальный кандидат? Или идеальный козел отпущения? Слишком очевидно. Слишком театрально для убийцы, который три года водил за нос всю полицию города.

Матвей достал телефон и набрал номер. — Синицын? Это Волков. — Слушаю, Матвей Андреевич! — голос лейтенанта звучал бодро, несмотря на то, что смена наверняка подходила к концу. — Пробей мне по базе всё, что есть на Артемьева Виктора Павловича. Не только официальный запрос через канцелярию, а всё: связи, недвижимость, счета, поездки за границу за последние пять лет. И мне нужно знать всё о его взаимоотношениях с жертвами по делу 112/84-ББ. Были ли они его пациентками? Были ли у них общие знакомые? Работай тихо. — Понял вас. Сделаю.

Волков убрал телефон и снова посмотрел на особняк. Следить дальше не имело смысла. Если Артемьев — убийца, он не будет совершать глупостей прямо сейчас. А если нет — то слежка лишь спугнет его и насторожит. Нет, действовать нужно было иначе.

Он завел машину и поехал обратно в управление. По дороге он заехал в небольшую кофейню на углу — место, где варили терпкий кофе по-восточному в медной джезве. Ему

нужна была ясная голова и немного времени наедине со своими мыслями перед тем, как снова погрузиться в бумажную рутину.

Кабинет встретил его привычным полумраком и гудением системного блока. На столе его уже ждала папка с результатами первичного осмотра места преступления у складов и отчет Савельева. Волков положил рядом с ней дымящуюся чашку кофе и сел в кресло, которое жалобно скрипнуло.

Он открыл папку с новым делом (113/01-АС) и еще раз пробежал глазами по фотографиям. Молодая женщина в изумрудном платье... Как её звали? Кто она? Пока она была просто «Жертва 1 (2026)». Безымянный номер в статистике. Но она была ключом. Первой за три года.

Его размышления прервал стук в дверь. На пороге стоял Сеницын с планшетом в руках. Вид у него был слегка растерянный.

— Разрешите? — Заходи, лейтенант. Что нарыл?

Сеницын прошел в кабинет и неловко присел на край стула. — По Артемьеву... Странная картина получается, Матвей Андреевич. — Выкладывай.

Сеницын поправил очки (он носил их скорее для солидности, чем по необходимости) и начал читать с экрана: — Официально — кристально чист. Клиника «Гармония», частная практика, член ассоциации психиатров... Но вот что интересно. Я поднял списки пациентов клиники за последние годы. И... — он сделал драматическую паузу. — Две из

пяти жертв по старому делу были его пациентками.

Волков медленно поставил чашку с кофе на стол. Кофе расплескался, но он этого даже не заметил. — Кто именно? — Елена Воронцова — первая жертва, та что из отеля «Империал». И Марина Зверева — четвертая, её нашли в машине на парковке «Астории». Обе проходили у него курс терапии от депрессивных расстройств и панических атак. Это была связь. Прямая, осязаемая связь между консультантом следствия и жертвами. Волков почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Продолжай. — Я проверил алиби доктора на даты убийств. У него железное алиби на три случая из пяти. В дни смерти Воронцовой и Зверевой он находился на международной конференции по судебной психиатрии в Вене. Есть билеты, бронь отеля, записи с камер наблюдения в фойе конференц-центра... На момент убийства второй жертвы он оперировал в своей клинике — есть журнал операций и свидетели из персонала.

— А остальные два? — тихо спросил Воронов. — А вот тут самое интересное. На даты смерти первой жертвы (в отеле) и последней (в гардеробной) у него нет подтвержденного алиби. Он утверждает, что был дома один, работал над монографией. Подтвердить или опровергнуть это некому.

Волков встал из-за стола и подошел к окну. Он смотрел на глухую кирпичную стену, но видел перед собой другое: карту города с отмеченными местами преступлений и лицо

доктора Артемьева с его пронзительным взглядом.

— Что еще? — Я проверил финансы. Никаких подозрительных переводов или крупных трат после убийств не было. Живет по средствам, хотя средства немалые. И еще... — Синецын замялся. — Я пробил его связи с нашим новым трупом со склада. Волков резко обернулся: — И? — Ничего. Её имени нет ни в списках пациентов клиники, ни среди контактов доктора в телефоне или почте, которые нам доступны по запросу суда. Она для него — чистый лист. Синецын замолчал, ожидая реакции начальника. Волков вернулся к столу и тяжело опустился в кресло. Он потер переносицу двумя пальцами. — Хорошо, лейтенант. Ты отлично поработал. Свободен.

Синецын кивнул и быстро вышел из кабинета, оставив Волкова наедине с гнетущей тишиной и новой информацией.

Картина не прояснялась, а наоборот, становилась все более запутанной и зловещей. Артемьев был связан с двумя жертвами из прошлого дела как лечащий врач. Это могло быть совпадением — элитный психиатр имеет дело с определенным кругом богатых женщин с психологическими проблемами. Но это также могло быть и прикрытием для выбора жертв. Идеальный доступ к их психике, их страхам и слабостям.

Но новый труп ломал эту теорию. Если убийца — Артемьев (или кто-то из его окружения), почему новая жертва

никак с ним не связана? Это была ошибка? Или смена почерка? Или... это вообще другой убийца?

В кармане завибрировал телефон. Номер был неизвестным. — Волков слушает. — Матвей Андреевич? — голос в трубке был низким и слегка надтреснутым от возраста или постоянного курения. — Это Виктор Артемьев.

Волков замер. Он ожидал этого звонка, но все равно оказался не готов к нему так скоро.

— Слушаю вас, Виктор Павлович. — Я слышал о новом убийстве... — доктор сделал паузу, словно подбирая слова или просто переводя дыхание. — Тот же почерк? — Вы следите за новостями? — Я консультирую полицию уже много лет. Это моя работа — быть в курсе подобных событий. Кроме того... я узнал детали от старых знакомых из прокуратуры еще до того, как дело официально передали вам снова.

Волков крепче сжал телефонную трубку. — И что же вам сказали ваши знакомые? — Что вы начали копать под меня, — голос Артемьева оставался спокойным, почти безразличным. — Вы следили за моим домом сегодня днем?

Волков не стал отрицать. — Вы были консультантом по тому делу, доктор. Вы знали все детали убийств трехлетней давности лучше меня самого. А теперь они повторяются с пугающей точностью.

На другом конце провода раздался тихий смешок, похожий на кашель. — Логично предположить такой интерес со стороны следователя вашего уровня. Но вы совершаете клас-

сическую ошибку новичка: вы ищете одного человека там, где может действовать целая система.

Волков нахмурился: — О чем вы говорите?

Артемьев снова замолчал на несколько секунд. — Приезжайте ко мне домой завтра вечером. Скажем... в восемь часов. Нам нужно поговорить без лишних ушей и официальных протоколов. Я расскажу вам то, чего нет ни в одном отчете по тому делу 112/84-ББ. То, что я тогда не решился озвучить официально из-за отсутствия доказательств и страха разрушить свою репутацию безумными теориями.

Он продиктовал адрес того самого особняка за кованым забором.

— И еще одно условие: приходите один и без оружия. Я старик и боюсь резких движений со стороны вооруженных людей в своем доме. В трубке раздались короткие гудки отбоя.

Волков медленно положил телефон на стол и посмотрел на папки перед собой. Дело «призрака» только что перешло на совершенно новый уровень сложности. Доктор Артемьев только что признал свою осведомленность о слежке и пригласил его к себе домой для частной беседы о том, что он скрыл три года назад.

Это была ловушка? Или попытка сотрудничества? Или тонкая игра более умного противника?

Матвей Волков посмотрел на часы: начало девятого вечера. Он встал из-за стола, снял плащ со спинки стула и пога-

сил настольную лампу. Кабинет погрузился во мрак.

Завтра вечером он пойдет в дом к человеку, который может быть серийным убийцей или единственным человеком, способным пролить свет на это дело. И он пойдет туда без оружия и без прикрытия, как просил этот человек.

Выходя из управления в прохладную ночь города, Матвей Волков чувствовал себя так же, как много лет назад во время своего первого самостоятельного задержания: одиноким пешим путником на шахматной доске противника, который уже сделал свой ход и теперь ждал ответного удара в полной темноте.

Глава 4. Дом, который помнит всё.

На следующий день, в восемь часов вечера, Матвей Волков стоял перед массивными дубовыми воротами особняка доктора Артемьева. Дождь, бушевавший накануне, оставил после себя промозглую сырость, и туман, поднимавшийся от остывающей земли, обволакивал кованую решетку, делая её похожей на декорацию готического романа. Волков не стал звонить в звонок у калитки. Он просто ждал.

Через полминуты в одном из окон первого этажа вспыхнул и тут же погас свет. Калитка, щёлкнув электронным замком, плавно и бесшумно приоткрылась. Приглашение было принято.

Волков прошёл по дорожке, выложенной старым, потрескавшимся от времени камнем. Под ногами чавкала влажная земля. Дом возвышался над ним тёмной громадой. В отличие от многих современных особняков за городом, этот не был залит слепящим светом прожекторов. Он был освещён скупой и умно: тусклые бра на фасаде выхватывали из темноты фрагменты лепнины и барельефы, оставляя большую часть здания в тени. Это создавало гнетущее ощущение, будто сам дом наблюдал за гостем из мрака.

Дверь открылась ещё до того, как он успел постучать. На пороге стоял сам доктор Артемьев. Он был одет так же, как и вчера — в идеально скроенный костюм-тройку из дорогой

шерсти, поверх которого был накинут домашний бархатный халат. В руке он держал хрустальный бокал с янтарной жидкостью. — Матвей Андреевич. Проходите. Вы пунктуальны. Это хорошее качество для следователя.

Воронов молча переступил порог. Внутри пахло старым деревом, дорогой кожей библиотечных кресел и чем-то ещё — едва уловимым, стерильным запахом медикаментов. Доктор не протянул руки для приветствия, лишь сделал приглашающий жест в сторону гостиной.

Они прошли по широкому коридору, увешанному картинами в тяжелых рамах. Волков не разбирался в искусстве, но даже он мог сказать, что оригиналы на стенах стоили целое состояние. В гостиной горел камин. Настоящий, дровяной. Пляшущие языки пламени отбрасывали на стены причудливые, дерганные тени, которые казались живыми.

— Присаживайтесь, — Артемьев указал на глубокое кожаное кресло напротив камина. — Виски? Или предпочитаете что-то другое? У меня отличный коньяк.

— Я на службе, — сухо ответил Волков, опускаясь в кресло. Оно приняло форму его тела с пугающей мягкостью. — Бросьте, — Артемьев прошел к бару из темного дерева и плеснул себе ещё порцию. — Мы не в кабинете для допросов. Это частная беседа двух профессионалов. К тому же, я настаиваю. Это поможет нам... расслабиться.

Он поставил на столик между креслами второй бокал и наполнил его до краев коньяком. Волков секунду поколебал-

ся, затем взял бокал. Тепло от камина и алкогольный аромат сделали свое дело — напряжение в плечах немного отпустило.

Артемьев сел в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Он сделал маленький глоток и посмотрел на Воронова поверх кромки бокала. Его серые глаза в свете огня казались почти черными.

— Итак, вы здесь. Вы проверили мои связи с жертвами. Вы следили за моим домом. Вы думаете, что я либо убийца, либо как-то причастен к этому кошмару. — А вы причастны? — прямо спросил Волков.

Артемьев медленно покачал головой. — Нет. Я не убийца. Я врач. Моя задача — лечить души, а не разрушать их окончательно. Но... я знаю больше, чем сказал тогда, три года назад.

Он поставил бокал на столик и сцепил пальцы в замок. — Когда меня привлекли к тому делу в качестве консультанта, я составил профиль преступника. Стандартная процедура: анализ мест преступлений, способа действия (*modus operandi*), выбор жертв... Всё указывало на классический тип: организованный несоциальный преступник. Мужчина, скорее всего с медицинским или военным прошлым (из-за точности удушения), одинокий, социально неадаптированный... Но была одна деталь, которая не давала мне покоя с самого начала и ломала всю картину.

Артемьев сделал паузу, словно собираясь с мыслями или

решая, стоит ли продолжать. — Что за деталь? — поторопил его Воронов.

— Инъекция. Тот препарат, который вводили жертвам *после* смерти. Это было нелогично. Зачем убийце тратить время на труп? Рисковать быть замеченным? Это не укладывалось в психологию одиночки-маньяка, ищущего власти или сексуального удовлетворения через насилие. Это было... ритуально-медицинское действие.

Волков вспомнил отчет Савельева:

«Убийца зачем-то ввел ей препарат уже после того, как она перестала дышать». — И к какому выводу вы пришли? — К тому, который стоил мне репутации и спокойного сна, если бы я озвучил его официально тогда, — голос доктора стал тише, почти шепотным. — Я пришел к выводу, что убийца действует не один.

Воронов замер с бокалом у губ. — Продолжайте.

Артемьев встал с кресла и подошел к камину, протянув руки к огню. — Представьте себе систему. Есть «руки» — исполнитель. Человек физически сильный, возможно даже не слишком умный, но абсолютно преданный своему хозяину или организации. Он делает грязную работу: отслеживает жертву по наводке, проникает в дом или номер отеля (часто под видом персонала), нейтрализует её быстро и эффективно — удушение сзади не оставляет следов борьбы и шума.

Он обернулся к Волкову. — Но есть и «голова». Тот, кто стоит за всем этим. Тот, кто выбирает жертв по какому-то

одному ему известному принципу. И этот «мозг» дает исполнителю четкие инструкции: что делать *после* убийства. Зачем вводить мидазолам труп? Я долго думал об этом. И единственная логичная версия — это сокрытие другого вещества или маскировка истинной причины смерти в будущем. Воронов поставил бокал на столик. Коньяк остался нетронутым. — Вы говорите о заказных убийствах?

Артемьев кивнул. — Именно так я это и вижу. Серия заказных убийств под видом действий серийного маньяка-одиночки. Идеальное прикрытие. Полиция ищет психопата с детскими травмами и фетишем на дорогие платья, а на самом деле кто-то очень влиятельный просто убирает неугодных ему женщин из высшего общества.

Волков почувствовал холодок внутри, не имеющий отношения к температуре в комнате. — Но почему вы молчали об этом три года назад?

Артемьев горько усмехнулся и вернулся в кресло. — Потому что это была лишь теория без единого доказательства! У меня не было ничего: ни имен заказчиков, ни следов исполнителей кроме тех самых царапин от перчаток... И самое главное — у меня были косвенные улики против самого себя! Две мои пациентки мертвы! Если бы я выдвинул версию о заговоре или заказухе со стороны «элит», меня бы просто подняли на смех или того хуже — заподозрили бы в попытке отвести от себя подозрения самым диким способом! Я решил молчать и копить информацию самостоятельно.

Волков впился взглядом в лицо доктора. — И что же вы накопили?

Артемьев тяжело вздохнул и посмотрел в свой бокал так, словно искал там ответы. — Я начал изучать прошлое своих пациенток более глубоко... неофициально. Задавал вопросы их близким под видом обычного врачебного интереса к анамнезу... И кое-что всплыло. Все они были связаны с одним человеком задолго до того, как стали моими пациентками. С человеком по имени **Ростислав Воронин**.

Имя прозвучало как выстрел в тишине гостиной. Воронов знал это имя. Кто в городе его не знал? Ростислав Воронцов — «стальной король». Владелец гигантского металлургического холдинга «Северсталь-Пром». Один из самых богатых и влиятельных людей страны. Человек с репутацией жесткого прагматика, который ради прибыли готов идти по головам.

— Какая связь? — хрипло спросил Волков.

— Елена Воронцова была его любовницей около пяти лет назад. Роман закончился скандалом из-за её попытки шантажа публикацией каких-то документов о финансовых махинациях компании через офшоры. Арина Аверина была главным бухгалтером холдинга до того, как её уволили со скандалом за «некомпетентность», хотя все знали — она просто слишком много знала о выводе активов перед очередной проверкой... Я могу продолжать по каждой из них! У всех пятерых был конфликт с Ворониным или его окружением

незадолго до смерти!

Это было похоже на взрыв бомбы замедленного действия прямо под ногами у следствия трехлетней давности. Они искали маньяка среди отбросов общества или среди психически нестабильных личностей из окружения жертв... А нужно было смотреть на самый верх пищевой цепи города. Воронов почувствовал прилив адреналина вперемешку с глухой яростью от осознания того, как долго их водили за нос.

— Почему вы рассказываете мне это только сейчас? И почему именно мне?

Артемьев посмотрел ему прямо в глаза своим тяжелым взглядом. — Потому что вы единственный следователь во всем управлении, у кого хватит духу пойти против такого человека, как Воронин. Остальные либо куплены им напрямую через бюджет города и премии начальству, либо просто боятся связываться с «системой». А я... я боюсь за свою жизнь теперь еще больше после этого звонка вам вчера вечером. Он наклонился вперед и понизил голос до едва слышного шепота: — Матвей Андреевич... Убийца вернулся не просто так. Три года тишины... Это значит только одно: у заказчика снова возникла проблема с женщиной из его прошлого или окружения. Кто-то снова стал угрозой для его империи или его репутации. Новая жертва со склада... Вы должны выяснить всё о ней как можно скорее. Кто она? Чем угрожала? Кто её близкие? Это ниточка к тому самому «мозгу».

Волков встал с кресла так резко, что оно скрипнуло по

паркету. — Спасибо за информацию... доктор.

Артемьев тоже поднялся. — Будьте осторожны, Матвей Андреевич. Вы только что перешли дорогу человеку, который привык стирать людей в порошок без малейших колебаний. Если он узнает о нашем разговоре...

Волков направился к выходу из гостиной не оглядываясь. У двери он остановился и бросил через плечо: — Вы тоже будьте осторожны, Виктор Павлович. Если ваша теория верна... то вы для них опасный свидетель номер один после меня.

Он вышел в холодный коридор особняка один. Дверь за ним закрылась мягко и бесшумно. На улице туман стал гуще. Волков сел за руль своего седана и несколько минут сидел неподвижно, глядя перед собой невидящим взглядом на размытые огни фар проезжающих мимо машин по шоссе вдаль.

Картина полностью изменилась за один вечер расследования из кабинета психолога-криминалиста. Дело больше не было о поиске безумца-одиночки с фетишем на бархатные платья и золотые кулоны-полумесяцы (кстати о кулоне... он совсем забыл спросить Артемьева об этом). Дело превратилось в войну против системы коррупции и безнаказанности одного человека на вершине власти.

И первой задачей теперь было узнать всё о безымянной женщине со склада у Южного моста до того, как её тело остынет окончательно в холодильнике морга судмедэкспертизы.

Он завел двигатель и вырулил на дорогу обратно к городу. Его путь лежал не домой и не в управление полиции по официальным каналам (там могли быть уши заказчика). Ему нужно было попасть к Савельеву прямо сейчас, пока тот еще был в море при своей лаборатории.

По дороге он набрал номер эксперта: — Петрович? Это я еще раз...Голос Волкова был тверд как сталь: — Слушай внимательно. Мне нужно знать всё о нашей новой жертве прямо сейчас по неофициальным каналам через твоих ребят из бюро судмедэкспертизы города: имя личности по базе стоматологических карт или отпечаткам пальцев (если они есть), пропавшие без вести за последний месяц... Всё! И еще одно: проверь кулон-полумесяц у неё на шее под микроскопом на наличие микрочастиц металла или чего-то необычного...

Он сбросил вызов и прибавил газу. Игра началась по-крупному.

Глава 5. Имя из прошлого.

Бюро судебно-медицинской экспертизы находилось в подвальном этаже старого клинического городка на окраине города. Это было царство стерильного холода, резкого запаха формалина и мертвенной тишины, которую нарушало лишь гудение мощных холодильных установок и редкие, гулкие шаги по кафельному полу. Волков спустился по бетонной лестнице, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится всё более тяжелым и влажным.

У входа в секционный зал он столкнулся с одним из санитаров. Тот, увидев знакомое лицо, молча кивнул и посторонился, пропуская следователя внутрь. В зале горел яркий, безжалостный хирургический свет. В центре, на металлическом столе, лежало тело, накрытое белой простыней. Рядом, склонившись над микроскопом, стоял Игорь Петрович Савельев. Он даже не обернулся на звук шагов. — Петрович, — позвал Водков, останавливаясь в нескольких шагах от стола. — Есть что-нибудь?

Савельев медленно выпрямился, снял перчатки и очки. Его лицо в этом свете казалось неестественно бледным, почти восковым. — Я ждал тебя, Матвей. Есть новости. И они... весьма неожиданные.

Волков подошел ближе. Он не смотрел на тело под простыней. Он смотрел на эксперта. — Ты узнал, кто она?

Савельев взял со столика планшет и несколько секунд молча листал файлы. — Да. По базе стоматологических карт. Её имя — Алиса Крейц. Девичья фамилия — Бельская. Тридцать два года. В базе данных МВД проходит как «пропавшая без вести». Заявление подал её муж... — Савельев сделал паузу и поднял на Волкова тяжелый взгляд. — ...три дня назад.

Волков почувствовал, как внутри всё сжалось. Три дня. Она была мертва уже как минимум сутки к тому моменту, когда её нашли, но заявление о пропаже поступило всего три дня назад. Значит, её исчезновение заметили не сразу. Или... не хотели замечать?

— Муж? — переспросил Воронов, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Да. Некто Константин Крейц. Крупный бизнесмен. Владелец сети элитных автосалонов «Крейц-Моторс». Слышал о таком? Воронов кивнул. Слышал. И очень хорошо. Константин Крейц был фигурой заметной в тех же кругах, что и «стальной король» Воронин. Они не были друзьями, скорее — конкурентами в борьбе за тендеры и влияние. Но главное было не это. — Продолжай, — глухо сказал Волков. — Я пробил её биографию по своим каналам, пока ждал результатов токсикологии. Алиса Бельская... из очень непростой семьи. Её отец — Павел Бельский. Бывший заместитель министра промышленности. Сейчас на пенсии, но связи остались колоссальные. Сама Алиса была светской львицей, владела галереей современного искусства «Белый

куб». Закрылась год назад из-за убытков. Судя по всему, жила на содержании мужа и отца.

Волков слушал молча, сопоставляя факты в голове. Галерея искусств... Светская львица... Жена крупного бизнесмена... Дочь чиновника. Это идеально ложилось в теорию Артемьева о том, что жертвы были как-то связаны с Ворониным и представляли угрозу для его интересов. Галерея могла быть прикрытием для отмывания денег или каналом передачи информации.

— А что с кулоном? — спросил он, вспомнив свою просьбу по дороге сюда.

Савельев удовлетворенно кивнул и жестом фокусника взял со столика прозрачный пластиковый контейнер для улик. Внутри лежал золотой кулон-полумесяц на порванной цепочке. — Я осмотрел его под биноклем. И нашел кое-что интересное. Видишь эти едва заметные царапины на внутренней стороне полумесяца? Это не заводской брак. Это следы от гравировки.

Он передал контейнер Волкову. Матвей поднес его к свету и действительно увидел на гладкой внутренней поверхности кулона тонкие параллельные бороздки. — Там что-то было написано? — спросил он. — Или выгравирован символ. И его намеренно сточили. Очень аккуратно, но не идеально. Мастер использовал гравировальный бор с алмазным напылением, а затем зашлифовал поверхность до блеска. Но металл в месте гравировки имеет другую структуру, поэтому

следы остались.

Волков задумчиво повертел контейнер в руках. Зачем стирать надпись или символ с украшения? Чтобы скрыть принадлежность к какой-то группе? Тайному обществу? Или это был личный подарок с инициалами любовника, который нужно было скрыть от мужа?

— И последнее, Матвей Андреевич, — голос Савельева стал еще тише и серьезнее. — То, что я говорил по телефону про инъекцию после смерти... Я был прав насчет мидазолама. Но там был еще один компонент. В печени и мышечной ткани вокруг места укола я обнаружил следы препарата «С-14».

Волков резко поднял голову: — «С-14»? Что это за дрянь? Савельев снял очки и начал протирать их краем халата, избегая смотреть следователю в глаза. — Это экспериментальный препарат. Разработка одной из лабораторий холдинга «БиоМедТех», который принадлежит... Ростиславу Воронину.

В кабинете повисла мертвая тишина. Казалось, даже гудение холодильников стало тише. — Ты хочешь сказать... — начал Волков. — Я ничего не хочу сказать! — перебил его Савельев неожиданно резко и нервно. Он надел очки обратно и посмотрел на Волкова с тревогой. — Я констатирую факт: в теле жертвы обнаружен след препарата, который производится корпорацией главного стального магната страны. Это может быть совпадением! Препарат мог попасть к ней

через черный рынок! Я просто... просто ставлю тебя в известность как коллегу и друга. Официально в отчете будет только мидазолам и асфиксия.

Волков понял всё без лишних слов. Савельев боялся. Он только что дал ему ниточку к заказчику убийства, но сам он не мог вписать это в официальный протокол под своей подписью. Это было бы равносильно самоубийству для него и его семьи.

Матвей положил контейнер с кулоном в карман плаща. — Спасибо, Петрович. Я всё понял. Официального отчета не будет.

Он развернулся и пошел к выходу из секционного зала, чувствуя на спине тяжелый взгляд судмедэксперта.

Вернувшись в управление, Волков заперся в своем кабинете и включил компьютер. Он не стал запрашивать информацию по официальным каналам — это могло спугнуть фигурантов или предупредить того самого заказчика о том, что следствие вышло на новый уровень. Он действовал через старые связи и неофициальные базы данных.

Имя Константина Крейца всплыло сразу же. Волков открыл его досье: фото импозантного мужчины лет сорока пяти с холодным взглядом серых глаз и идеально уложенными волосами. Рядом была фотография Алисы Крейц (Бельской). Она была красива той же отстраненной красотой, что он видел на месте преступления: высокие скулы, тонкий нос... На фото она улыбалась, но глаза оставались грустными.

Волков быстро пролистал биографию Константина. Бизнесмен, меценат, член попечительского совета городского театра... И тут его взгляд зацепился за строчку в разделе «Партнеры по бизнесу». Среди прочих значилось: «Северсталь-Пром (поставки спецстали)».

Вот она. Прямая связь с Ворониным. Они были деловыми партнерами. Возможно, именно через этот бизнес-проект их интересы пересекались настолько тесно, что любая угроза со стороны семьи Крейц могла быть воспринята «стальным королем» как угроза для него самого или его теневых схем.

Волков откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Схема выстраивалась пугающе четкая:

Жертва: Алиса Крейц (Бельская). Угроза? Возможно, узнала слишком много о делах мужа с Ворониным или о самом Воронцове через отца-чиновника. Заказчик: Ростислав Воронин (косвенно подтверждается следом препарата его корпорации).

Исполнитель: Неизвестен (профессиональный убийца).

Связь со старыми делами: Все жертвы так или иначе переходили дорогу интересам Воронин или его окружения (любовница-шантажистка, бухгалтер-всезнайка).

Зазвонил внутренний телефон. Волков вдрогнул от неожиданности и снял трубку: — Волков слушает. — Матвей Андреевич? Это дежурный по управлению капитан Зувев. К вам посетитель. Говорит, что вы его ждете по личному делу о пропаже жены.

Волков бросил взгляд на часы: начало одиннадцатого вечера. — Пропустите его ко мне немедленно.

Через несколько минут дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял Константин Крейц собственной персоной. Он был одет в дорогое кашемировое пальто поверх темного костюма, но выглядел помятым и осунувшимся. Под глазами залегли темные круги от бессонных ночей или слез отчаяния? Его холеное лицо сейчас казалось серым от горя или страха.

Он вошел в кабинет и остановился перед столом Волкова, тяжело опираясь на трость из черного дерева с серебряным набалдашником (Волков раньше этого не замечал). — Вы следователь Волков? — голос Крейца был хриплым и надломленным. — Да. Присаживайтесь, господин Крейц.

Бизнесмен медленно опустился в кресло для посетителей, не сводя с следователя воспаленных глаз. — Мне сказали внизу... Вы нашли её? Мою Алису? Воронов выдержал паузу, внимательно изучая лицо мужчины перед собой. Искреннее горе? Или великолепная актерская игра? — Мне очень жаль... Мы нашли тело женщины три дня назад на окраине города...

Он не успел договорить фразу «которая подходит под описание вашей жены». Константин Крейц издал глухой стон и закрыл лицо руками. Его плечи затряслись в беззвучных рыданиях. — О боже... Нет... Нет... Только не это...

Волков молча ждал, пока первый шок пройдет. Он достал

из ящика стола стакан и бутылку минеральной воды (всегда держал для таких случаев) и поставил перед посетителем. — Выпейте воды, Константин... — Просто Костя... — выдохнул тот, беря стакан дрожащей рукой и проливая половину на полированный стол. — Господи... Как же так... Я знал... я чувствовал... Она пропала во вторник вечером... Ушла на встречу с подругой и не вернулась...

Волков активировал диктофон на телефоне под столом. — Костя, я должен задать вам несколько вопросов для официальной процедуры опознания... Крейц поднял на него красные глаза: — Я готов ответить на всё что угодно! Только скажите мне... как она умерла? Она страдала?

Волков посмотрел ему прямо в глаза: — Официальная причина смерти будет установлена после вскрытия... Но предварительные данные говорят о том, что она умерла быстро от удушья.

Крейц зажмурился так сильно, что на веках выступили слезы: — Удушье? Какое варварство... Моя девочка...

Он достал из кармана платок и промокнул глаза. — У вас есть враги? Может быть, кто-то угрожал вам или ей в последнее время? Может быть, проблемы в бизнесе?

Крейц горько усмехнулся: — Враги? У кого их нет? Но чтобы вот так... Нет-нет-нет... Это бессмысленно! Мы просто жили... Просто жили своей жизнью!

Он вдруг замер и посмотрел на Волкова с внезапным подозрением: — Постойте-ка... А почему вы спрашиваете ме-

ня об этом сейчас? Вы что-то знаете? Вы думаете, это было не случайное нападение грабителя?

Волков решил рискнуть и пойти ва-банк: — Костя... Я расследую это дело лично не только потому, что вы подали заявление о пропаже жены высокопоставленного человека... У меня есть основания полагать, что смерть вашей жены может быть связана с серией других убийств трехлетней давности.

Лицо Константина Крейца мгновенно изменилось. Страх в глазах сменился чем-то похожим на панический ужас вперемишку с пониманием чего-то ужасного для него лично. — Что? Какие убийства? О чем вы говорите?

Волков видел эту реакцию: человек либо гениально играл роль ничего не знающего мужа убитой горем жертвы серийного маньяка... либо он действительно был напуган до смерти упоминанием старых дел по совершенно иной причине.

В этот момент зазвонил телефон на столе следователя. Звонил дежурный: — Матвей Андреевич! Тут к вам еще один посетитель рвется! Говорит — муж погибшей со склада! Требуется немедленно выдать тело!

Волков положил трубку и посмотрел на Константина Крейца совершенно новым взглядом. Человек перед ним сидел неподвижно, словно парализованный услышанным известием о том, что он теперь официально является «мужем погибшей». Игра становилась смертельно опасной.

Глава 6. Двойное дно.

Волков не стал провожать Константина Крейца. Он просто сидел за своим столом, молча глядя на закрывшуюся за бизнесменом дверь, и слушал, как затихают в коридоре коридора его тяжелые, шаркающие шаги и стук трости по паркету. Визит «безутешного вдовца» оставил после себя густой, липкий осадок. Крейц был либо гениальным актером, либо... он действительно не знал, во что ввязалась его жена. В любом случае, он был напуган. Но чем? Упоминанием старых дел или тем, что следователь копает слишком глубоко?

Звонок дежурного о втором посетителе, рвущемся в морг, вывел Воронова из оцепенения. Он встал, накинул плащ и, не говоря ни слова, вышел из кабинета. Ему нужно было увидеть этого человека. Срочно.

Спустившись на первый этаж и пройдя через гулкий холл управления, он вышел на задний двор, где располагался отдельный вход в судебно-медицинский морг. У ступенек, ведущих вниз, курил один из патрульных. — Где он? — коротко бросил Волков. — Внизу, товарищ следователь. В приемной у санитаря. Буянит. Требуется тело «немедленно выдать для погребения», кричит что-то про «оскорбление памяти» и «некомпетентность полиции».

Волков кивнул и начал спускаться по сырым бетонным ступеням. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным запахом

хлорки и чем-то неуловимо сладковатым, от чего к горлу подкатывал комок.

Приемная санитаря представляла собой крошечную комнату с пластиковым окном выдачи и старым продавленным диваном. На этом самом диване, сторбившись и обхватив голову руками, сидел мужчина. Услышав шаги, он резко вскинулся.

Это был совершенно другой типаж, нежели Константин Крейц. Если Крейц был холемым, породистым хищником из мира большого бизнеса, то этот мужчина выглядел как человек, чья жизнь дала трещину. На вид ему было около сорока. Небритое лицо, покрасневшие глаза с лопнувшими сосудами, мятый воротник рубашки и дешевая куртка из кожзаменителя. От него пахло дешевым табаком и отчаянием.

— Вы кто? — хрипло спросил он, глядя на Волкова снизу вверх с вызовом и страхом одновременно. — Следовательно Волков. Матвей Андреевич. А вы, как я понимаю, муж погибшей со склада? Мужчина медленно поднялся с дивана. Он был ниже Волкова на полголовы и выглядел физически истощенным. — Да... Я... Я её муж. Виктор. Виктор Рябинин.

Волков жестом пригласил его выйти из тесной каморки в более просторный предбанник морга. — Давайте поговорим, Виктор.

Рябинин нервно оглянулся на санитаря за окошком и вышел следом за следователем в тускло освещенный коридор. — Я требую выдать мне тело! — снова начал он срывающим-

ся голосом. — Вы не имеете права держать её здесь! Это издевательство! Я уже звонил адвокату!

Волков встал прямо перед ним, перекрывая путь к лестнице вверх. Он говорил тихо, но твердо: — Виктор, послушайте меня внимательно. Я понимаю ваше горе. Поверьте, я видел много смертей и знаю, как это тяжело для близких. Но выдача тела — это процедура, которая требует времени и официального опознания. Вы должны понимать: мы нашли её на заброшенном складе в районе Южных доков. Это не та смерть, которую можно списать на несчастный случай или передозировку в клубе.

Рябинин вздрогнул всем телом при слове «опознание». — Я... я не могу... Я не хочу её видеть такой... — его голос сорвался на шепот.

Волков внимательно наблюдал за ним. Реакция была странной. Большинство людей в горе требуют немедленно увидеть тело, чтобы попрощаться, даже если это больно. Отказ от опознания часто говорит о том, что человек либо знает что-то, что делает его нежелательным свидетелем для следствия, либо... он не муж вовсе.

— Хорошо, — кивнул Волков. — Мы можем провести опознание по личным вещам или по фото... позже. Но сначала я должен задать вам несколько вопросов. Рябинин обессиленно прислонился к холодной стене коридора. — Спрашивайте... Что вы хотите знать?

— Когда вы видели Алису... — Волков сделал паузу, вни-

мательно следя за реакцией собеседника на имя, — ...в последний раз?

Рябинин дернулся так, будто его ударило током. — Алиса? Её звали Алиса? — его глаза расширились от неподдельного удивления. Это был момент истины. Воронов почувствовал, как внутри все сжалось от охотничьего азарта. — Да. Алиса Крейц. В девичестве Бельская.

Лицо Виктора Рябина мгновенно изменилось. Удивление сменилось гримасой ужаса и паники. — Нет-нет-нет... Вы ошибаетесь! Вы меня с кем-то путаете! Я Виктор! Виктор Рябинин! Мою жену звали... зовут... Марина! Марина Рябинина! Она просто пропала! Я пришел заявить о пропаже человека!

Волков молча смотрел на него несколько долгих секунд. Мужчина перед ним сейчас напоминал загнанное в угол животное: он тяжело дышал, по лбу стекали капли пота, а в глазах плескался дикий страх.

— Вы не муж погибшей женщины со склада, — констатировал Воронов ровным голосом. — Нет! Конечно нет! Я думал... мне сказали внизу... что нашли тело женщины, похожей на мою Марину! Я прибежал сюда! Господи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.